

Ван Эр Мацзы был известным в деревне бездельником, получившим своё прозвище из-за множества веснушек на лице. Поколения его семьи были бедными крестьянами, и он целыми днями ничего не делал, любил выпить, а после выпивки приставал к женщинам в деревне, за что его не раз били.

Он часто хвастался своим бедняцким происхождением, говоря, что он «чистокровный крестьянин», и, когда в деревне происходили события, он всегда находил способ поесть и выпить за чужой счет.

К тому же он был большим любителем наживы. Когда Гуань Хэ получил такие деньги, он завидовал и постоянно подкалывал его.

Гуань Хэ так разозлился, что хотел броситься на него с кулаками, но его остановили гости, пришедшие на Свежину. В итоге он только зло сказал:

— Если хочешь есть — ешь, не хочешь — уходи. Если будешь продолжать нести эту чушь, проваливай.

Ван Эр Мацзы, разозлив его, не расстроился и спокойно сел:

— Почему не есть? Я никуда не уйду.

С таким человеком Гуань Хэ ничего не мог поделаться, и через некоторое время всё утихло.

Ян Сюцуй не слышала слов Ван Эр Мацзы, но, увидев его, сразу нахмурилась. Однако перед деревенским начальством она не могла устроить скандал и с трудом сдержалась.

Женщины в доме Гуань хлопотали на кухне, а Ян Сюцуй забрала Гуань Маньюэ и Гуань Маньсин в комнату, чтобы поговорить по секрету. Только когда пришло время готовить мясо, она вышла на кухню с грозным видом и стала наблюдать.

Чжао Сюлянь была самой покладистой из невесток, и Ян Сюцуй чаще всего ругала её:

— Режь мясо тоньше, такие толстые куски — сколько уйдёт на одного? Ты что, свинья?

Чжао Сюлянь дрожащими руками начала резать мясо, но Ян Сюцуй снова начала:

— Быстрее, ты что, не ела? Если будешь так резать, до заката не управимся.

Гуань Мань как раз зашёл на кухню за водой и, услышав, как Ян Сюцуй ругает Чжао Сюлянь, возразил:

— Мама, если тебе не нравится, как Сюлянь работает, пусть старшая и вторая невестки режут, а Сюлянь пойдёт разжигать огонь.

Слова Гуань Мань ранили Ян Сюцуй:

— Что я за грехи такие? Говорят, женился — забыл мать. Теперь свекровь и слова сказать не может? О боже, я не могу больше жить...

Гуань Хэ в это время находился в комнате с гостями, но на кухне начался шум, и он, чувствуя, что теряет лицо, ворвался на кухню и крикнул на Ян Сюцуй:

— Что ты орешь? Ещё раз — убью!

Рыдания Ян Сюцуй застряли в горле, и на кухне наконец воцарилась тишина. Вскоре оттуда потянулся аромат мяса, и дети семьи Гуань собрались у дверей, смотря голодными глазами.

Когда гости поели, семья Гуань села за стол. Ян Сюцуй оставила большую порцию мяса для семьи Сунь Цзяньго, и её количество было почти равно тому, что досталось семье Гуань.

Чжао Шэнгу и Гуань Юань накануне уже ели мясо, поэтому не были голодны, но, чтобы не вызывать подозрений, они сели за стол и притворились, что борются за мясо.

Сунь Цзяньго уже не мог сохранять видимость интеллигентности и быстро накладывал мясо. Сунь Цзыхао и Сунь Цзыюй ели с жадностью, масло текло по их губам. Сунь Цзяньго работал в кооперативе, его зарплата составляла всего 25 юаней в месяц, и он должен был содержать не только свою семью, но и родителей, а также незамужнюю сестру. Его сестра часто приходила к ним за помощью.

Таких денег едва хватало на жизнь. Если бы не зерно из дома Гуань и тайные подачки Ян Сюцуй, они бы не жили так хорошо.

В доме Гуань было так много людей, что каждый успел взять лишь по два куска мяса, и оно закончилось. Гуань Тайсин и Гуань Тайди, увидев, что у тётки осталось ещё много мяса, потянулись за ним, но Ян Сюцуй ударила их палочками по рукам.

— Вы что, голодные духи? Вам всё мало.

Сунь Цзыхао нарочно взял кусок мяса и громко чавкал.

Гуань Тайсин и Гуань Тайди заплакали:

— Мама, я хочу мяса! Я хочу мяса!

Их плач подхватили Гуань Тайцзюй и Гуань Таймэй, а двухлетний Гуань Юй тоже присоединился.

Ли Юэчжи не выдержала:

— Мама, они что, не твои внуки? Никогда не слышала, чтобы бабушка любила внуков от дочерей больше, чем своих.

Ян Фэйфан тоже была недовольна, но она всегда держалась благодаря поддержке Ян Сюцуй, поэтому промолчала.

Ян Сюцуй хотела начать ругаться, но Гуань Маньсин остановила её. Она взяла мясо и начала перекладывать его в их миску, говоря:

— Не злись, сестра, это моя вина. Мама просто жалеет Цзыхао и Цзыюй, которые редко едят мясо.

Гуань Маньсин хотела переложить половину, но Гуань Таймин выхватил всю миску и поставил перед собой, наложив по куску себе и своей семье, а затем стал есть с жадностью.

Все были ошеломлены, а когда опомнились, мяса уже не осталось. Гуань Таймин, закончив, вытер рот и вышел из-за стола, игнорируя крики Ян Сюцуй, и выбежал из дома.

Гуань Юань не смог сдержать смеха, и Чжао Шэнгу потянул его. Они доели свои порции и

тоже встали из-за стола.

В главной комнате ещё слышались плач Сунь Цзыхао и Сунь Цзыюй. Гуань Юань не выдержал и, упав на канг, разразился смехом. Чжао Шэнгу тоже засмеялся.

— Проказник, — сказал он, щипля Гуань Юаня за ухо.

Когда Гуань Маньсин уходила, Ян Сюцуй не только отдала ей треть свиньи, но и дала большой мешок свежей пшеницы. Она сказала, что Сунь Цзяньго — интеллигентный человек и не сможет нести такие тяжести, и попросила Гуань Маньцана отвезти их в уезд. Три сына и их жены были недовольны, но Ян Сюцуй, то ли не замечая, то ли делая вид, что не замечает, настояла на своём.

Канг Гуань Юаня находился в задней комнате восточного флигеля. Раньше здесь жили Ли Юэхуа и Гуань Маньцан, но Ян Фэйфан, войдя в дом, посчитала это место неудачным, и комнату отдала Гуань Юаню и Чжао Шэнгу.

Ян Фэйфан и Гуань Маньцан жили в передней комнате восточного флигеля, и, если дверь была закрыта, их не было слышно. Но ночью, лёжа на канг, Гуань Юань услышал, как Ян Фэйфан и Гуань Маньцан ссорились, и она кричала, что семья не ценит Гуань Маньцана.

Гуань Юань подумал, что Ян Фэйфан, возможно, говорила о Ян Сюцуй. Он ожидал, что на следующий день она покажет своё недовольство, но она, как ни в чём не бывало, была с Ян Сюцуй очень ласкова.

Гуань Юань покачал головой, признавая своё поражение.

Теперь каждый день Чжао Шэнгу и Гуань Юань пили Воду из духовного источника, и здоровье Гуань Юаня заметно улучшалось. Его некогда сухие и жёлтые волосы стали чёрными и блестящими, он набрал вес, а кожа стала белой с румянцем. Чжао Шэнгу, видя, как Гуань Юань день за днём становится здоровее, был счастлив.

Чжао Шэнгу тоже сильно изменился за эти дни благодаря Воде из духовного источника, он выглядел бодрым и полным сил. В последнее время он думал о том, чтобы отправить Гуань Юаня в школу.

Для людей того времени возможность есть государственный хлеб была великой честью, и Чжао Шэнгу не был исключением. Он завидовал тем, кто носил строгие костюмы и имел лёгкую работу с гарантированным доходом. Всё лучшее он хотел дать Гуань Юаню.

Гуань Юань, услышав слова Чжао Шэнгу, хотя и не был особо увлечён учёбой, согласился с его предложением. Пространство было слишком загадочным, и никто не мог гарантировать, что оно всегда будет с ними. Поэтому они не могли полагаться только на него и должны были работать усердно.

— Тебе скоро исполнится пять лет, и ты сможешь пойти в школу. Тогда наш Сяо Юань тоже будет учиться и есть государственный хлеб!

— Брат, а ты пойдёшь со мной? Мне одному страшно, — нагло сказал Гуань Юань.

— Нет, этого не будет. Семья не согласится, да и я ничему не научусь! Ты будешь учиться, а потом мне расскажешь! — отказался Чжао Шэнгу.

Гуань Юань не стал настаивать. Он знал, что у Чжао Шэнгу были деньги, и он мог бы пойти в школу, но тот боялся оставить его одного дома, где его могли обидеть. Поэтому он проучился всего год и бросил.

Гуань Юань знал, что Чжао Шэнгу не пошёл в школу, чтобы замять разговоры в семье, и всё это было ради него.

Через некоторое время Гуань Юань сказал:

— Хорошо, я пойду в школу, но можно мне пойти в шесть лет?

Чжао Шэнгу, глядя в его глаза, полные надежды, не смог отказать:

— Хорошо, пойдёшь в шесть лет.

<http://bllate.org/book/16465/1494649>